

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС И ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Т. И. ЛИПИЧ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: lipich@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается взаимодействие литературы и философии на разных этапах развития русской культуры, а также изменение их роли в обществе. Анализируется процесс становления русского литературно-философского дискурса. Любые культурно-коммуникативные практики можно определить как диалог культур в самом широком смысле слова.

Ключевые слова: философия, литература, дискурс, диалог культур.

В современном гуманитарном знании приобретает особый интерес проблема специфики литературно-философского дискурса: метафоричности философского языка и поэтичности всякого мышления. В связи с этим, возрастает актуальность научной разработки вопросов, связанных с выявлением, описанием и объяснением различных форм взаимодействия философии и литературы на самых разных этапах развития культуры.

Необходимо отметить, что в современной научной литературе нет сколь-нибудь удовлетворительной концепции взаимоотношения философии и художественной литературы. Поэтому осмысление этих взаимоотношений, выяснение контекстов, в которых происходило такое взаимодействие, приобретает особый характер и особый смысл. Историки философии создают в своих трудах перспективу развития философской мысли, анализируют философские концепты, контексты и дискурсы данной эпохи, историки литературы изучают особенности литературного процесса и особенности становления литературных текстов, контекстов и дискурсов. Вместе с тем, каждая такая эпоха имеет весьма сложную контекстную и дискурсную картину взаимодействия философии и литературы.

М.К. Мамардашвили, характеризуя русскую литературу XIX века, говорил, что она совершила «попытку родить целую страну из слов, из смыслов, из правды»¹. Насколько удачной была эта попытка? Действительно, литература выполняла в России важную мировоззренческую, методологическую, общественно-историческую функцию. Она воздействовала на сознание общества, расшатывала старые устои, подводила русскую мысль к осознанию необходимости построения своей собственной философии, т.е. обращению к «вечным» и «проклятым» вопросам мироздания, а также разгадке тайны человека, загадки его судьбы. Кожин в свое время писал о том, что Пушкин и его соратники в Рос-

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. – С. 187.

сии решили те самые задачи, которые выполнила на Западе ренессансная литература: они способствовали утверждению национального самосознания, освоению и осмыслению национального бытия народа, а также художественному «закреплению» суверенной личности, созданию литературного языка и классического национального стиля и т.п.

Отношения, возникающие между философией и литературой, показывают, что философия не вытесняет литературу, а литература не стремится заменить собой философию. Они обе нуждаются друг в друге, общаются и ведут диалог, действуют по принципу взаимодополняемости. Более того, мы считаем, что этот диалог является источником саморазвития, как литературы, так и философии, и в конечном итоге, русской культуры. Конечно, философия, выполняющая роль мировоззрения, может оказывать воздействие на литературу, на искусство, делая его более интеллектуальным, в этом случае искусство выполняет роль распространителя философских идей. Но с другой стороны, философский текст, участвующий в этом диалоге стремится к литературно-поэтическому выражению, т.е. философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы более глубоко и разнообразнее выразить бытие человека, его внутренний мир. О таком глубоком согласии философии и литературы писал ряд исследователей. Так, С.Л. Франк отмечал: «Поэтому между художником и мыслителем существует органическое духовное сродство, в силу которого все подлинное и великие представители каждой из этих форм творчества не только как личности, в большей или меньшей степени, сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника, разветвлениями которого они являются»².

Известно, что поэтическое мышление всегда выступает в виде некой рефлексии. Но если филология исследует систему художественности поэзии, то философия старается проанализировать само мышление поэта, его самосознание, его отношение к действительности. Г. Гейне еще в 1828 году высказал мысль о том, что философствование не только не враждебно духу литературы, но и является её необходимым элементом, и что художественность только тогда становится подлинной, когда опирается на глубокий анализ действительности.³ В России эту мысль высказал В. Белинский, который считал, что поэтическое произведение по своему содержанию то же, что и философский трактат. При этом поэзию он понимал как «мышление в образах». Тем самым, Белинский выражал потребность осмысления действительности в художественной форме. Такая потребность порождалась эпохой, тем контекстом, в котором происходила философизация русской классической литературы XIX века. Таким образом, вопрос о соотношении философии и литературы, их диалоге не имеет на сегодняшний день окончательного решения. Новые подходы открывают новые возможности в решении этой неоднозначной проблемы.

Что касается современных российских исследователей, то они много размышляют и спорят о соотношении философии и литературы. Например, процесс взаимодействия художественной литературы и философии рассматривают в своих работах А.В. Гулыга, Л.Я. Гинзбург, А.Э. Еремеев, Е.А. Маймин, Ю. Манн, Г. Менде, А.С. Колесников, М.С. Розанова, Л.А. Ходанен, М.С. Штерн и др.⁴ О философском начале в литературе рассуждает А.Э. Еремеев. Он определяет «философичность» как «стремление к общему» через индивидуальное, что порождает качественно нового героя, в котором сосредотачиваются все основные идеи автора. Внутренние связи в литературе носят художественный, а не логический характер. Поэтому, делает вывод Еремеев, философичность русской литературы воплощается не только в идеях, проблемах, но и в специфике художественной формы, в своеобразии жанра, сюжета, повествования. В качестве источников «филосо-

² Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. – С. 315.

³ Гейне Г. Собр. соч. Т. 5. М., 1958. – С. 148 – 149.

⁴ См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.8 – 36.; Розанова М.С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции. Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. – С. 99 – 103; Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., 1976. С. 185 – 189.; Менде Г. Мировая литература и философия. М., 1969.; Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. – С. 34 – 49.

фичности» литературы он выделяет синтетический характер художественной деятельности, в которой соединяется духовное и практическое, сознание и бытие⁵. А.С. Колесников, исследуя особенности современного развития художественной литературы, считает, что в XX веке философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы глубже и разностороннее выразить бытие человека. Но вместе с тем, резюмирует он, это не мешает философии и литературе по-своему отражать и осваивать мир⁶. Также он обосновывает вывод о том, что проблема места и роли художественной литературы в истории философии, начиная с эпохи романтизма, начинает пронизывать собой все гуманитарное самосознание европейской культуры, отражая происходящие в ней перемены.

На наш взгляд, совершенно верная мысль о том, что именно романтизм на основе решения проблемы человека способствовал сближению философских идей и художественных образов, а также сближению философа с художником и побуждал последнего философствовать. Также большое внимание уделяют художественной литературе и представители отечественной религиозной философии, в работах которых подчеркивается ее органическая духовная связь с философией⁷. Но вместе с тем, справедливо отмечает исследователь этой проблемы А. В. Песоцкий⁸, к сожалению, обращение к феномену литературы в философских трудах фрагментарны и не имеют концептуального характера.

Необходимо также отметить, что философия, и литература способствуют формированию духовного облика нации, содействуют её нравственному воспитанию, ставят перед собой и перед обществом вопросы, на которые ищут совместные ответы. Таким образом, литература и философия как формы национального самосознания возникают тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, способствующие развитию разнообразных сфер общества. Поэтому прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения способствуют духовному единению и консолидации нации. Разнообразные по форме философские сочинения, как теоретические, так и поэтические, в равной мере отвечают на запросы жизни и отражают главные национальные потребности, среди которых основной является – освобождение человека, раскрепощение личности. Говоря словами современного поэта, «поэт в России больше, чем поэт». Диалог философии и литературы порождает в определенном историческом контексте своеобразный литературно-философский дискурс, который оказывает определенное влияние на развитие в целом культур.

В современной гуманитарной науке не выработано понятие литературно-философского дискурса, которое, как нам думается, способно более полно отразить картину диалога философии и литературы, который особенно отчетливо проявился в романтизме. Именно такое положение дел вызвало к жизни современное осмысление этого процесса через понятие дискурс, контекст, которые в свою очередь актуализируют понятия речь, язык, текст.

В современном гуманитарном знании исследование дискурса и дискурс-анализа происходит на стыке лингвистики, социологии, психологии, литературоведения и философии. Мы не ставим целью исследование истории становления этих понятий. Достаточно подробно эта проблема рассмотрена в ряде исследований, в том числе и в рамках бел-

⁵ См.: Еремеев А.Э. Русская философская проза (1820 – 1830-е годы). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1989. Еремеев А.Э. К вопросу о философской прозе в русской литературе 1820 – 1830-х годов / проблемы метода и жанра. Сб. ст. Вып. 10. Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 84 – 98.

⁶ См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 8 – 36.

⁷ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах, т. 2, М., Мысль, 1988. – С. 290–323; Общий смысл искусства. Издательство: Вира-М, 2009.; Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Русская мысль. 1918. – Кн. III – IV; Булгаков С.Н. «Иван Карамазов как философский тип» // «Вопросы философии и психологии», 1902. – Кн. 1; Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.; В. В. Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария», СПб., 1894.

⁸ См. Песоцкий А. В. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Автореф. диссер. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. / А. В. Песоцкий. – М., 2009. – С. 19.

городской философской школы, в которой эта проблематика рассмотрена достаточно полно. Мы опираемся на неё в нашем исследовании⁹. В связи с этим, нам близка точка зрения В.П. Римского, который в ряде своих работ поднимает проблемы соотношения речи, языка, текста и дискурса. В его понимании «дискурс – это особая система смыслов, связанных с культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи, которая выражена в самых разнообразных языках (текстах, языково-семантических формах), обладающих связанностью и целостностью и погруженных в речевые и культурно-коммуникативные практики, в жизнедеятельность конкретного человека, в социокультурные, иррационально-психологические и другие контексты, то есть в экзистенциальный пласт бытия»¹⁰. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что литературно-философские концепты в текстах романтиков, как немецких, так и русских, создавались в определенных контекстах, которые играли огромную роль в интерпретации этих текстов, то есть, любое высказывание или текст вне контекста приобретали у них абстрактный характер, а благодаря интерпретации в определенной системе мнений и знаний о мире, они становились конкретными. Благодаря контексту романтический текст принимал определенный смысл. Поэтому для анализа философско-литературных текстов романтиков важно было понимать контекст, в котором создавались эти произведения, и еще шире, дискурс, так как он немислим вне текста и контекста, а контекст остается безгласным и бесчеловечным вне дискурса и текста, как отмечал И.Т. Касавин¹¹.

Любой дискурс вырабатывает определенные концепты, которыми он оперирует, и поэтому необходимо уточнить понятие концепт. Мы считаем, что концепт предельно субъектен и субъективен, но в то же время он выражается в конкретном языке и включает в себя авторские экзистенциальные контексты, которые уже в дискурсе в результате диалога с Другим, наполняются новыми смыслами и становятся общезначимыми. В этом случае, закрепляясь в текстах, они отражаются в национально и исторически определенных дискурсных, культурно-коммуникативных практиках, где и происходит своеобразное формально-логическое осмысление, опредмечивание этих концептов и переход их в понятия, лишённые авторских экзистенциальных смыслов и контекстов. Но в реальной жизни человек мыслит не понятиями, а концептами, в которых закреплены объективно-мыслительные схемы и категории культуры. Эти схемы и категории культуры, погруженные в дискурс, в коммуникативно-речевые практики, человек старается распределить, наполнить экзистенциальными смыслами. В современной гуманитаристике существует огромное количество определений концепта, мы не будем изобретать еще одно, и поэтому согласимся с его пониманием В.П. Римским, который считает, что концепт – это недоформализованная, образно-схематическая речемыслительная конструкция, нагруженная экзистенциальными смыслами. Философские и литературные концепты всегда связаны с текстами и контекстами определенной исторической эпохи, а также и с людьми, эти тексты создающими. И литераторы, и философы обращаются к образам, как конкретным представлениям в их чувственном облике, но в то же время этого бывает недостаточно, и они ищут некие общие свойства исследуемых образов. Появляются так называемые смысло-образы. В качестве примера можно привести концепты-смыслообразы, которые формировались в литературно-философском дискурсе романтиков: время, мир, хаос, вечность, смерть, бытие, ночь, день и т.д. В них соединялась чувственность и абстрактность, схватывание и овладение реальностью предметного мира. Придание этому миру экзистенциального смысла у каждого автора уникально и неповторимо.

В свою очередь, понимание смысла, его интерпретация связаны с переводом высказывания на иной язык, то есть с его перекодировкой, связанной с творческим овладе-

⁹ См.: Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 351-362; Е.А. Кожемякин. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: Дис. ... д-ра филос. н. по спец. 24.00.01 – Теория и история культуры. – Белгород, 2009; Е.А. Кротков. Дискурсивная модель научной рациональности: уч. пос. для преподавателей, аспирантов и соискателей. – Белгород, 2009; и др.

¹⁰ Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные Ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. №16 (71). 2009. Вып. 10. – С. 34.

¹¹ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 29.

нием текстом или произведением. Поэтому интерпретация и переинтерпретация текстов связана с готовностью толкователя привести некие свои субъективные смыслы. Смысл сопряжен с представлением о всеобщности, о первоначале бытия, о его глубинной сущности. Смысл – это не только то, что вложил в него автор текста, но и то, что из него извлек толкователь. Следовательно, важно учитывать контексты, в которых создавались эти смыслы, и в которых они читались и толковались. Поэтому произведения, включенные в контексты и культурно-коммуникативные практики, то есть в определенные дискурсы, содержат в себе множество смыслов. Благодаря этому они оказываются способными видоизменяться, обогащаться в различных контекстах восприятия. Смысл дискурса зависит от смыслов литературно-философских текстов. Это же относится и к созданию так называемых «вторичных текстов», которые выступают продуктами текстуального дискурса. В русской культуре на основе осмысления определенных литературно-философских текстов немецких романтиков, идет их своеобразная переинтерпретация и создание «вторичных текстов», например, тексты Любомира, русских романтиков. На основании этого дискурс способствует тому, что один текст может выступать контекстом другого, а также придавать смысл тексту и окружающему миру. Это является общим и для литературного, и для философского дискурсов, так как понимание сути предметов, и в целом мира, связано с интуитивным их постижением, и с интерпретацией, где интуитивное знание переоформляется в рациональное. Образуется так называемый интерпретативный дискурс в ситуации понимания в литературе и философии и шире, в межкультурном взаимодействии, в диалоге культур.

Литература и философия ставят проблемы, которые не могут быть решены однозначно, и они обращаются к общим мировоззренческим темам, но философский дискурс требует более теоретического выражения. Он предельно широк и, охватывая все другие дискурсы, способствует их пониманию. Благодаря этому проблематизируется контекст, а это в свою очередь дает возможность увидеть текст во всей сложности и глубине, а также трансформации частного в общее. В свое время Гегель высказывал опасения, которые не оправдались, что в искусстве происходит разложение художественного творчества, которое постепенно переходит в философскую рефлексию¹². Но с другой стороны, Г.Г. Шпет отмечал, что литература – «это материализация самосознания», «память духа о самой себе»¹³.

Исходя из этого, можно предложить следующее определение: литературно-философский дискурс – это сложное, исторически и идеологически обусловленное, культурно-коммуникативное явление, порождающее систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов, обладающих связанностью и целесообразностью, в которых соединены принципы художественного и философского познания и осмысления мира и человека в различных языковых и коммуникативных практиках.

Любые культурно-коммуникативные практики можно определить как диалог культур в самом широком смысле слова. Поэтому можно утверждать, что литературно-философский дискурс по своей природе диалогичен, так как в эти диалогические отношения, складывающиеся в коммуникативных практиках, вовлекаются высказывания и тексты, которые могут оказывать как непосредственное, так и опосредованное воздействие на эти отношения. М.М. Бахтин писал: «Нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)»¹⁴.

Поэтому многие современные философы конкретные проблемы общения, диалога и коммуникации связывают с межкультурным диалогом народов, стран, цивилизаций. В свое время И.Г. Гердер выделял взаимодействие культур как способ сохранения культурного многообразия и отмечал, что познание своей культуры, самих себя возможно через познание других культур, поскольку «ни один народ не достиг культуры сам по себе»¹⁵.

В философской литературе понятие диалога культур трактуется весьма широко. В XX веке идеи диалога вошли в ткань философского мышления и получили все большее распространение от этических и эстетических проблем у М. Бубера и М. Бахтина до ана-

¹² Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. – Т.3. – С. 351.

¹³ Шпет Г.Г. Литература // Ученые записки / Тартуского ун-та. Вып. 576, 1982. – С. 152, 155.

¹⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – С. 312.

¹⁵ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 477.

лиза человеческого бытия, как «диалогической жизни», «диалогики» В. Библера и анализа внутреннего диалога, изучения диалогической природы человеческой речи.

При огромном количестве разнообразных смысловых наполнений, дающих понятие культуры, подходов к её изучению, нам близка позиция В.С. Библера, который определяет культуру как форму одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур¹⁶. Следовательно, культура – это общение. Анализ этой категории посвятили свои работы К. Ясперс, М.С. Каган, М.М. Бахтин и др. Например, М.М. Бахтин в своих работах утверждал, что культура – это форма общения людей разных культур. Она есть там, где есть как минимум две культуры, а самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой. На этом основании культура рассматривается как механизм самодетерминации индивида. Общение, по Ясперсу, это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение»¹⁷. В общении, в культурно-коммуникативных практиках стороны ищут точки соприкосновения, некие общие позиции, в результате борьба мнений переходит в диалог. В этом случае субъект относится к другому, как к субъекту.

Диалог культур предстает как наиболее яркая форма общения культур и как результат взаимного общения культур. Общение в рамках субъектно-объектных отношений можно назвать взаимодействием, которое характеризуется как всеобщая форма связи явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. Некоторые исследователи выделяют партнерское взаимодействие-диалог, когда не происходит навязывание, а осуществляется взаимодействие двух и более культур¹⁸. Зеньковский В.В. выделяет понятие «влияние» в связи с отношениями Запада и России. Под этим понятием он подразумевает такие отношения, которые предполагают у обеих сторон, по меньшей мере, некую самостоятельность и оригинальность¹⁹. Что же касается понимания взаимовлияния, то это процесс воздействия друг на друга субъектов культуры или культур, которое вызывает обоюдные изменения. Культура по своей сути диалогична. Человечество с момента своего зарождения существует в рамках диалога. В.М. Межуев отмечает, что диалог возможен между людьми, которые находятся на одном уровне цивилизационного развития и связаны, кроме всего, некоей системой ценностей²⁰. Культура, общение культур есть общение индивидов как личностей, поэтому здесь важно признание самоценности всех сторон, участвующих в диалоге. В диалоге культур каждая культура реализует себя как отдельная, самобытная, неисчерпаемая в своей неповторимости культура²¹. Возможность диалога можно отметить только тогда, когда субъект начинает осознавать и выделять свою индивидуальность, свою самоидентификацию через связь с другими, через свою обусловленность другими. Рассматривая диалог как единственно возможную форму события людей, Бахтин справедливо утверждал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними»²². Диалог по Бахтину не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма события, существования «Мы» в «Они» и «Я» в «Другом».

Общение личностей в диалоге, в рамках определенного дискурса, происходит благодаря некоторой составляющей общения – тексту. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного

¹⁶ Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии, 1989. – № 6. – С. 31 – 42.

¹⁷ Ясперс К. Современная буржуазная философия. М., 1978. – С. 324 – 327.

¹⁸ Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. – Оренбург, 2005.

¹⁹ см. Зеньковский В.В. История русской философии. – Академический проект, Раритет М., 2001., – С. 23 – 24.

²⁰ См. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // М.: МГУКИ, 2004.

²¹ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 299.

²² Цит. по: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 146 – 147.

творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.). Причем в любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к Другому. Поэтому смысл текста, погруженный в определенные дискурсивные практики, в процессе исторического развития меняется, так как каждая эпоха по-своему «прочитывает», интерпретирует этот текст, открывая в нем что-то новое.

Культурный диалог конкретизируется М.М. Бахтиным в понятии полифонизма, причем, говоря о полифонизме, М.М. Бахтин отмечал также его диалогичность: «Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого»²³.

Полифония как организующий принцип бахтинской интерпретации – это слово, ключевым коннотативным значением которого выступает понимание многоплановости, многомирности, многоголосия, а здесь, в таком случае, мы уже имеем дело с определенным образом организованным диалогом – полифоническим диалогом.

Идеи диалогизма в культуре в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивались представителями тартуско-московской культурологической школы, например, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и другие. Ю.М. Лотман указывал на следующее семиотическое свойство диалога: диалог возможен лишь тогда, когда его участники одновременно различны и имеют в своей структуре семиотический образ контрагента. «Поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой третьей точкой зрения, е д и н ы й т е к с т , а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен»²⁴. Таким образом, для того чтобы общаться с другой культурой, культура должна интериоризировать ее образ внутри своего мира.

Говоря о проблеме диалога культур и межкультурного диалога, Ю.М. Лотман указывает на то, что в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично. Чертами любого культурного диалога являются: во-первых, попеременная активность передающего и принимающего, во-вторых, выработка общего языка общения. Этот процесс делится на этапы: сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке. Следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Нам близка мысль В.С. Библера о том, что культура способна жить и развиваться только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя», на выход за свои пределы, культурами. Он отмечал, что каждая культура есть некий «двуликий Янус», в том смысле, что ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие. Общение в культуре, то есть бытие в культуре – это всегда (в потенции, в замысле) общение между различными культурами, даже если мы живем в одной и той же культуре. А диалог лишь тогда диалог (в смысле культуры диалога и диалога культур), когда он может осуществляться как бесконечное разворачивание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культур.

²³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М, 1972. – С. 20 – 21.

²⁴ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи в трех томах. – Т.1. – Таллинн, 1992. – С. 19.

Европейские культуры существуют в едином пространстве европейской цивилизации и культуры. В каждой национальной культуре находится то, что объединяет и отличает их. В такой ситуации возможен диалог. По нашему мнению, диалог – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации в рамках определенного дискурса, направленный на развитие этого процесса, а так же и на их саморазвитие. Анализируя русскую культуру, её становление необходимо отметить, что основой для развития диалоговых отношений является как пространство внутри России, так и взаимоотношения русской культуры с национальными культурами других стран.

Проблематика диалогизма в русской литературной и философско-культурологической традиции рождалась в пространстве осмысления собственной этнокультурной идентичности. Обращение именно к русской традиции диалогического мышления обусловлено следующими моментами: диалогичность была свойственна и писателям, и литературным критикам, и философски ориентированным мыслителям. В начале XIX века в России происходит формирование русского национального языка, русской литературы, зачатков русской философской мысли, что способствовало созданию русского литературно-философского дискурса. На его формирование оказал большое влияние диалог с французской, английской, но в большей степени, с немецкой культурой.

Россия обращает свои взоры на Германию, чьи философские идеи становятся созвучными русскому умонастроению: Фихте, Шеллинг, Гегель становятся весьма популярными в русском образованном обществе. Точкой пересечения диалогических отношений между философско-литературной общественной жизнью России и Германии становится романтизм, как особый тип творческого мировосприятия. Кант и Фихте, Шеллинг и романтики впервые осознают активность человеческой чувственной и мыслительной деятельности, культурной практики, которая и выступает как глубинная идеальная форма культурного диалогизма. Русские мыслители, своеобразно переработав идеи немецкого романтизма, сформулировали свое видение и понимание основных целей и задач, стоящих перед русской общественной мыслью, важнейшей из которых является осознание собственной идентичности.

Список литературы

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990..
2. Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
3. Гейне Г. Собр. соч. Т. 5. М., 1958.
4. См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.8 – 36.; Розанова М.С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции. Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. – С. 99 – 103; Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., 1976. С. 185 – 189.; Менде Г. Мировая литература и философия. М., 1969.; Гульга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. – С. 34 – 49.
5. См.: Еремеев А.Э. Русская философская проза (1820 – 1830-е годы). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1989. Еремеев А.Э. К вопросу о философской прозе в русской литературе 1820 – 1830-х годов / проблемы метода и жанра. Сб. ст. Вып. 10. Томск: Изд-во Том. ун-та. С.84 – 98.
6. См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.8 – 36.
7. См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах, т.2, М., Мысль, 1988. – С. 290-323; Общий смысл искусства. Издательство: Вира-М, 2009.; Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Русская мысль. 1918. – Кн. III – IV; Булгаков С.Н. «Иван Карамазов как философский тип» // «Вопросы философии и психологии», 1902. – Кн. 1; Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.; В. В. Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария», СПб., 1894.
8. См. Песоцкий А. В. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Автореф. диссер. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. / А. В. Песоцкий. – М., 2009.
9. См.: Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 351-362; Е.А. Кожемякин. Концептуально-методологическое обоснование

дискурсной формы бытия культуры: Диссертация на соискание... д. филос. н. по спец. 24.00.01 – Теория и история культуры. – Белгород, 2009; Е.А. Кротков. Дискурсная модель научной рациональности: уч. пос. для преподавателей, аспирантов и соискателей. – Белгород, 2009; и др.

10. Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные Ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. №16 (71). 2009. Вып. 10.

11. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008.

12. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. – Т.3.

13. Шпет Г.Г. Литература // Ученые записки / Тартуского ун-та. Вып. 576, 1982. – С. 152, 155.

14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.

15. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.

16. Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии, 1989. – № 6.

17. Ясперс К. Современная буржуазная философия. – М., 1978.

18. Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. – Оренбург, 2005.

19. см. Зеньковский В.В. История русской философии. – Академический проект, Раритет М., 2001.

20. См. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема. – М.: МГУКИ, 2004.

21. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990.

22. Цит. по: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 146 – 147.

23. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М, 1972. 169 с.

24. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи в трех томах. – Т.1. – Таллинн, 1992.

LITERARY PHILOSOPHICAL DISCOURSE AND THE PROBLEM OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE

T.I. LIPICH

Belgorod State University

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

The article deals with the interaction of literature and philosophy at different stages of the development of the Russian culture and the change of their role in the society. The process of the formation of the Russian literary philosophical discourse is analysed in the paper. The cultural-communicative practices as a dialogue of cultures in the broad sense of the word are defined here.

Key words: philosophy, literature, discourse, cross-cultural dialogue.